

Острая боль, словно отравленный крюк, с силой вырвала смутное сознание Шэнь Яня из небытия.

Едкий запах антисептиков исчез, сменившись тяжелым, горьковатым ароматом — даже дорогое благовоние чэньшуй не могло перебить этот густой лекарственный дух, что тонкими струйками просачивался в ноздри.

Он с трудом приподнял отяжелевшие веки. Зрение долго оставалось затуманенным, прежде чем взгляд наконец сфокусировался.

Перед глазами предстал не ослепительно белый потолок больницы, а сложный, головокружительный узор из сплетающихся лотосов на балдахине, где золотые и серебряные нити мерцали в полумраке. Узор покачивался и искажался в его плывущем взоре, словно в нелепом театре теней.

Горло будто забили раскаленными угольями — каждое мучительное глотательное движение отдавалось разрывающей болью. Он инстинктивно хотел спросить, издать хоть какой-то звук...

Тишина.

Абсолютная, удушающая тишина.

Помимо барабанного боя собственного сердца и гула крови в висках, он не слышал ни единого звука из своего горла. Паника, подобно холодной змее, в одно мгновение обвила сердце, сжимаясь всё сильнее.

Он рванулся, пытаясь сесть, надеясь, что это всего лишь кошмар, но тело, словно налитое свинцом, отозвалось на каждое движение стоном измученных костей.

— Третий господин, не двигайтесь! — раздался испуганный возглас, полный слез.

Девушка в абрикосовом жилете с прической в виде двух пучков бросилась к кровати. Из ее покрасневших глаз брызнули слезы.

— Вы наконец очнулись! Этот жар не отпускал три дня и три ночи, лекарства не проходили в горло... Служанка, служанка думала... — она задохнулась от рыданий и, резко обернувшись, закричала в сторону выхода, дрожа от облегчения. — Скорее! Скорее доложите госпоже! Третий господин очнулся! Небеса смилостивились!

Третий господин?

Чужое обращение, словно ледяная игла, вонзилось в сумбурный разум Шэнь Яня.

Осколки двадцатисемилетней жизни Шэнь Яня — ритмичный стук клавиш, синеватое свечение экрана, горечь ночного кофе и, наконец, визг тормозов и острая боль — столкнулись с иным, мощным потоком чужих воспоминаний. Восемнадцать лет блестящей жизни Се Цинъяня: звонкое чтение книг под аккомпанемент цитры, изысканные манеры знатного юноши среди расписных балок и узорчатых колонн, беззаботные скачки на окраине столицы и... та самая поездка на испуганной лошади, закончившаяся падением в реку, что навсегда лишила его голоса и будущего!

Фрагменты двух душ под гнетом нестерпимой головной боли насильно сжимались и сливались воедино.

Холодный пот мгновенно пропитал тонкое нижнее белье. Шэнь Янь — или, вернее, уже Се Цинъянь — вцепился пальцами в гладкую холодную парчу постели так, что суставы побелели.

Тяжелые двери дворца с шумом распахнулись, впуская прохладный сквозняк.

Женщина с проседью в волосах, одетая в длинный халат глубокого пурпурного цвета, в окружении служанок поспешно вошла в комнату. Ее величественный облик был разрушен тревогой — это была госпожа Лю, хозяйка дома Се.

Она в несколько шагов подлетела к кровати. Ее ухоженные руки, не в силах скрыть дрожь, коснулись бледных, влажных от пота щек Се Цинъяня. Горячие слезы хлынули из глаз:

— Дитя мое... ты наконец очнулся! Твой вид разрывает материнское сердце!

Се Цинъянь хотел заговорить, позвать мать, чтобы утешить эту убитую горем женщину.

Однако из глубины горла вырвались лишь обрывочные, хриплые звуки, похожие на шум старых мехов.

Огромное чувство поражения и всепоглощающий ужас накрыли его. Он стал немым! Одиноким душой из иного мира, запертой в чужом теле, неспособной издать ни звука!

Госпожа Лю, подавляя разрывающую ее боль, вытерла слезы платком и заговорила с притворной твердостью:

— Очнулся — и хорошо, хорошо... Императорский лекарь сказал, что ты сильно подорвал жизненные силы и нуждаешься в покое сотню дней, ни в коем случае нельзя...

Ее речь прервал шум и суматоха за дверью, словно грозовая туча, вмиг нависшая над комнатой.

Управляющий, бледный как полотно, вбежал в покои, едва не спотыкаясь, с градом пота на лбу. В руках он сжимал свиток, обернутый в ярко-желтую ткань — символ высшей власти, который сейчас жег ему руки, заставляя дрожать всем телом.

Он с глухим стуком опустился на колени, его голос дрожал от рыданий:

— Госпожа... из дворца... пришла воля Его Величества! Приказано третьему господину немедленно... немедленно явиться во дворец пред очи императора!

Мертвая тишина воцарилась в комнате, воздух словно застыл.

Госпожа Лю пошатнулась, словно осенний лист, и лишь поддержка служанок удержала ее от падения. Последние капли крови отхлынули от ее лица, губы задрожали, но она не смогла вымолвить ни слова.

Девушка в абрикосовом жилете побелела еще сильнее, прикусив губу, чтобы не закричать.

Леденящий холод, подобно змее, пополз вверх по позвоночнику Се Цинъяня.

Воспоминания прежнего хозяина вспыхнули с новой силой: на дворцовом пиру новый император Сяо Чэ, сидевший на троне, — молодое лицо, отмеченное суровостью военных походов, острый, как у ястреба, взгляд, скользнувший по нему с холодом оценщика добычи. А еще отчетливее — вчерашний вечер у задних ворот поместья Се, тепло руки Линь Муе, сжимающей его запястье. Молодой генерал с нахмуренными бровями и тревогой в глазах шептал клятву, которая казалась выжженной в самой душе: Янь-Янь, уезжай со мной! Пусть на границе тяжело, зато там простор! Мы найдем себе место! Завтра в час тигра я буду ждать тебя на старом месте! На край света, в жизни и смерти — вместе!

Прежний хозяин согласился.

Но для Шэнь Яня, человека из современного мира, осознание того, что его возлюбленный — мужчина, было шоком.

Се Цинъянь испытывал усталость от оков семьи, жажду свободы и глубокую привязанность к возлюбленному.

Однако следом пришло то самое падение с лошади... А очнувшись, он обнаружил, что внутри уже Шэнь Янь.

И теперь этот указ, словно смертный приговор, разрушил все надежды, толкнув его и весь род Се к краю пропасти.

Кровь, подступившая к горлу, уже невозможно было сдержать.

Се Цинъянь резко повернул голову, и алая кровь брызнула на белоснежный шелковый платок, который поспешно подставила служанка, — словно кроваво-красная слива, внезапно расцветшая на снегу.

Сильный кашель разрывал грудь, сознание, как воздушный змей с оборванной нитью, погружалось в бесконечную тьму. Последнее, что он увидел перед тем, как окончательно потерять чувства, — это лицо госпожи Лю, искаженное невыносимым горем, и услышал ее отчаянный, пронзающий небеса крик:

— Цинъянь! Дитя мое!

<http://bllate.org/book/20749/2080015>